ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Ноябрь. МОСКВА—1920 г. Цена 10 р.

№ 7-й. „ВОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ“ № 7-й.

ВСЕРОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТОВ-КОММУНИСТОВ.

Редактор **А. А. Карелин**

Москва, 1-й Дом Советов. Комната 219.

СОДЕРЖАНИЕ: Анархизм ли это?—*А. А. Солонович*. Стихотворение — *Ѳ. Приморская*. Анархизм и кооперация—*П. Хархардин*. Молот—*А. Струве*. Учение Бакунина об общественном классе—*Б. Худолей*. Угнетенным—*П. Лапин*. Старо-русская вольность—*К*. Песня крестьянина—*Крестьянин*. Власть—собственность на человека—*Е. Алмазов*. Две смерти. Несколько слов о работе среди молодежи — *П. Гар*. От секретариата — *В. Ф. А*. Библиографический Указатель.

Анархизм ли это?

Анархизм есть совершенно определенное учение—учение о безвластии. Это учение можно понимать глубоко или мелко, широко или узко и наконец, как и всякое другое учение, можно не понимать вовсе. Понимающие могут подходить к анархизму различно: философски или научно, социологически или политически, метафизически или религиозно, экономически или юридически и т. д. Непонимающие также могут подходить к анархизму со всех этих и даже еще с большего числа точек зрения.

Анархизм есть учение молодое и, как всякое молодое учение, требует от своих последователей известной силы, чтобы стоять с этим учением против общепринятого. Поэтому люди, проповедующие в настоящее время анархизм, являются в известной мере и до известной степени людьми сильными. Однако, эти сильные люди выросли среди условий совершенно не анархической общественности и потому одним из них больше, другим—меньше удалось пронизать себя и свои силы истинно анархическим мировоззрением. В меру всех этих условий они являются борцами за анархическую действительность, но в силу тех же условий многие из них кристаллизуются в натуры индивидуально-властные и нетерпимые. Такая натура всегда будет сознательно или инстинктивно стремиться использовать пропаганду безвластия, как средство для утверждения личной власти. Подобная метаморфоза возможна, когда люди рассматривают идеи, как собственность, так как тогда моя власть утверждается торжеством моей идеи. Сравнительно же большая моральная сила отдельных анархистов как раз и способствует такому излому. Тогда о таком человеке можно сказать, что на нем, как анархисте, можно поставить крест, ибо и он соблазнился и соблазнившись присвоил свободу себе, как вещь, как нечто, чем только он один владеет и чем в меру своей благости делится с окружающими. Анархист становится монархистом. А между тем неуклонно, хотя, быть может, и медленно растет анархическое движение, пробивая себе дорогу через

все пережитки и предрассудки, через преодоление тысяч препятствий, вырастающих на его пути. Самыми трудными препятствиями являются, однако, не внешние, но внутренние, те, которые рождаются из недр самого анархического движения. И так как борцы за анархизм вышли из условий не анархического быта, то этот неанархический быт насквозь пропитывает всех нас. Поэтому борьба за анархизм должна быть двухсторонней. Необходимо в себе самом убить старого ветхого человека, воспитанного на власти и насилии во внешнем мире. Далеко не все способны на это и как раз те, которые сильнее, если только они не сильны достаточно, как раз они то и склонны больше учить о безвластии других. чем поступать так сами.

Много есть различных типов людей, принимающих деятельное участие в анархическом движении—есть искренние и понимающие, есть неискренние и понимающие, есть искренние, но непонимающие и есть, наконец, и неискренние и непонимающие. Многообразие это получается от того, что анархизм, как и всякое общественное движение, могущее расчитывать на будущее, привлекает к себе людей самых разнообразных устремлений, а между прочим и таких, которые стремятся воспользоваться движением, как ходом в игре, которую они сами для себя разыгрывают.

Ясно, что не дело анархистов пытаться залесть в чужую душу для отыскания тайных намерений и целей кого бы то ни было. Нам, анархистам, это совершенно безразлично, ибо каждый отвечает сам за себя и однако именно нам, относящимся более, чем кто либо свободно и непредвзято к другим людям, особенно необходимо в то же время отдавать себе ясный отчет в том, с кем мы имеем дело, тем более, когда мы имеем дело не только с тайными намерениями, но с совершенно реальными, конкретными делами и поступками. Мало называть себя анархистом, ибо и многие белогвардейцы называли себя так, как они называли себя—и большевиками и еще чем угодно, и не всякий говорящий „Господи, Господи!“ достоин царствия небесного.

В частности, мне хотелось бы остановиться здесь на одном очень ярком явлении наших дней, ярком потому, что оно показывает, как, исходя из абсолютного отрицания власти, насилия, государства, партии, можно придти к утверждению всего этого и притом воображая себя по прежнему анархистом.

Таким образом, мы ставим вопрос, каким образом возможно существование людей, называющих себя анархистами и в то же время вступающих в партию или пытающихся организовать анархическую партию, хотя и замаскированную разными названиями.

Здесь не место доказывать и без того известную несовместимость анархизма с партийностью, но чтобы напомнить все-таки всю величину этой несовместимости, я приведу определение того и другого.

Анархизм есть учение, отрицающее всякую власть над человеком. Партия есть организация, основанная на власти большинства, на власти центрального комитета, на партийной дисциплине и ставящая своей целью завоевание власти для дальнейшего властвования.

Смею думать, что черное и белое различается между собою менее резко, чем два только-что охарактеризованных понятия и если тем не менее в иных головах и сердцах они оказываются соединени

ными знаком равенства, то причин этого приходится искать уже не в логике, а в психологии и если еще Достоевский предостерегал, что психология палка о двух концах, то в данном случае другой конец граничит с глупостью, а потому и избавляет нас от труда его разбора. Таким образом, остается только один конец, когда люди понимают невыносимость противоречия между анархизмом и партийностью и все таки поступают так, как будто здесь не противоречие, а самая райская гармония. Понятно, что поступать так подобные люди могут на основании известных причин и для определенных целей. О целях мы говорить не будем, а на причинах немного остановимся.

Ясно, что в основе деятельности, стремящейся достигнуть власти с помощью проповеди безвластия, лежит не само стремление к безвластию, но определенный импульс к власти, ибо первое у таких людей выражается в словах, а второе в поступках.

Воспитанные в старых формах жизни подобные люди недостаточно сильны, чтобы уничтожить в себе властность, но тем не менее достаточно сильны, чтобы быть властными и стремиться к власти.

В условиях свободной проповеди анархизма эта властность находит себе пищу в проповеди, в привлечении единомышленников, в демагогии и т. д., способствуя образованию и существованию того уродливого явления, от которого не застрахован даже и анархизм, не говоря уже об организациях партийных,—явления, носящего характерное название генеральства. Однако, в условиях широкой свободы слова, пропаганды и т. д. подобное явление не может достигнуть сколько нибудь крупных размеров, ибо оно немедленно рассасывается здоровыми жизненными соками организма общественного движения. Не то происходит когда данное движение стеснено, испытывает даже не гонение, а нечто, ставящее движение в условия, стремящиеся это движение превратить в застой. Вот тогда то на почве такого застоя, хотя бы носящего и местный характер, немедленно образуются как бы затоны со стоячей водой, постепенно превращающиеся в болото. В болоте же тесно всем и каждый стремится из него выбраться так, как он может. Одни выбираются, просто уходя и пробиваясь к свежим проточным струям, другие, вместо этого, начинают взаимную грызню, а третьи, с генеральскими ухватками, пытаются снова создать для себя свиту в виде партии.

Ясно, что подобные явления суть типично болезненные и единственным лекарством от них могут быть только свет, воздух, гласность, движение. Пора анархизму отбросить навыки подполья, пора оставить костыли социализма, пора стать на свои собственные ноги, и почерпая свою силу в том светлом, здоровом, могучем ядре, которое он несет в себе, в своем учении о безвластии, откинуть все компромиссы и пойти смело и бодро навстречу грядущему, творя жизнь и правду, принося людям мир и освобождение.

А. А. Солонович.

* * *

Государство сумело цветущих изранить,
Отправляя героев на верную смерть,
И казенную, гнусную „Вечную память“
Приказало над жертвами Дьяволу спеть.

Я лишь только простая сестра милосердия.
Государство и я, это—муха и лев!
Но истерзанных им не спасла ли от смерти я?
Государство, тебе мой карающий гнев!

Не забуду о мертвом чужом лейтенанте я:
Я рыдала над ним безутешней невест....
Так ничтожна войной и корона и мантия!
Так велик на груди моей пламенный крест!

Государство сумело цветущих изранить,
Отправляя героев на верную смерть,
И казенную, гнусную „Вечную память“
Приказало над жертвами Дьяволу спеть.

Посвящено дорогому учителю Петру Алексеевичу Кропоткину.

О. Приморская.

Анархизм и кооперация.

I.

Два великих современных течения—кооперация и анархизм—привлекают внимание всего человечества. На первый взгляд между ними нет ничего общего, но более детальный анализ приводит к обратному выводу.

В самом деле, в чем суть анархизма и кооперации? Под анархизмом мы привыкли понимать движение, направленное к осуществлению общества основанного на добровольном вхождении и участии в нем граждан. Так как только в таком обществе один из основных принципов анархизма—(личность человека—все) получает полное осуществление, точно также как и самодеятельность.

Кооперация—система общественно организованного, независимого и самоуправляющегося хозяйства, возникшего благодаря самодеятельности масс, имеющего целью содействовать материальному и духовному благосостоянию своих членов посредством современной организации хозяйственных предприятий или посредством труда своих членов, добровольно принимающих участие в организации кооперативного хозяйства.

Рассматривая кооперативные организации с точки зрения высказанной в определении, мы приходим к выводу, сделанному М. И. Туган-Барановским, который говорит, что „кооперативный идеал вполне совпадает с идеалом совершенного анархизма“. Анализируя сходство кооперативного идеала с анархическим, он находит, что „все лозунги анархизма находят себе полное проявление в кооперативе. Кооператив является, следовательно, организацией анархического хозяйства, иначе говоря, в кооперативе осуществляется в принципе самый высокий социальный идеал“. Остановимся на этом более подробно.

В организации кооператива главную роль играет самодеятельность масс—(принцип, выдвигаемый анархической тактикой на одно из пер-

вых мест),—развивающаяся обычно благодаря сознанию насущной массовой потребности и для удовлетворения последней. Основные моменты совместной деятельности устанавливаются договором. В таком случае при организации кооператива отсутствует даже малейший намек на принуждение.

С возникновением кооперативного общества оно не замыкается кругом лиц, принимавших участие в его организации. Оно, подобно анархическому обществу, открыто для свободного и добровольного присоединения всех желающих войти в него. Аналогию с анархическим обществом необходимо продолжить и дальше указанием, что всякий член кооператива в любую минуту может выйти из него. Но и на этом сходство не кончается, так как кооператив является организацией независимой и самоуправляющейся, направление деятельности и работы которой зависит исключительно от воли и желания самих участников членов.

Анархический строй—строй безвластия—нашел в конце концов, свое выражение в кооперативном товариществе, которое не обладает никакой принудительной властью по отношению к своим членам. Власть принудительная дает возможность распоряжаться не только вещами, но и человеком. Подобного в кооперативе безусловно не найти, так как даже общее собрание членов—верховный орган управления кооперативной организации не может принудить и побудить какого-либо своего члена к совершению нежелательного для последнего поступка, действия. Это тем более верно по отношению к правлению общества, которое является, в сущности, исполнителем постановления общего собрания.

Даже власть большинства над меньшинством, в принципе, отсутствует в кооперативе. Воля меньшинства во всякую минуту может быть выявлена уходом его из общества и организацией нового, сообразно с волей и запросами этого меньшинства.

В ведении дел кооперативного общества все участники и равноправны и полноправны, в их отношениях между собою свобода получает наиболее полное выражение. Все это вместе взятое еще более приближает кооперативное общество к анархическому.

При участии в кооперации личность человека, как и в анархическом обществе, наиболее полно проявляется. В кооперации царит не капитал, не вещь, а человек „личность". *) Кооперативное учреждение ценит человека, его индивидуальность, но не капитал и другие материальные ценности, которыми он обладает. Капитал в этом случае сводится на положение не господина, а слуги.

Те организационные принципы, которые заложены в кооперативных учреждениях, открывая простор для проявления лучших черт человеческой личности, готовят нового человека, освобожденного от жажды наживы и других предрассудков и ненормальностей капиталистического общества. Кооперация готовит человека, способного к самому полному восприятию анархических идей и осуществлению их на практике.

Общность кооперации и анархизма не ограничиваются только развитыми указаниями, относящимися к кооперации, как выразителю

---

*) М. И. Туган Барановский. Социальные основы кооперации.

анархического принципа в хозяйстве. Оно идет настолько далеко, что даже предпосылки для возникновения одного и другого движения, одни и те же, та ккак и кооперация и анархизм вызываются обыкновенно кризисами и безработицей *). Мало того, кооперацией применяются нередко и тактические приемы, свойственные анархизму. Таков метод непосредственного действия и пропаганды.

Таким образом кооперация—осуществление анархических принципов в хозяйстве. Она в рамках капиталистического строя, а у нас в рамках государственного социализма—закладывает основы будущего анархического общества. В этом отношении нельзя, по моему, не согласиться с П. А. Кропоткиным, который полагает, что общество будущего „будет состоять из множества ассоциаций, об'единенных для совершения таких действий, которые требуют общих усилий: для организации производителей, для всякого рода земледельческого, индустриального, интеллектуального, художественного производства; потребительных обществ, преследующих своею целью снабжение потребителей всем тем, что относится до помещения для жилья, до освещения, отопления снабжения пищей и до санитарных мер и так далее; для организаци федераций между такими обществами и федераций коммун, имеющих при себе производительные группы; наконец, для организации еще более обширных групп, охватывающих всю страну или даже множество стран и состоящих из лиц, которые будут работать сообща для удовлетворения экономических, интеллектуальных и художественных потребностей, не ограничивающихся определенной территорией. Благодаря взаимному соглашению, все группы будут свободно комбинировать свои усилия". **)

Раз в кооперации находят применение все принципы анархизма и раз она в условиях современного момента приводит их в осуществление, то все анархисты должны принять в ней самое деятельное участие. Мы должны пойти в нее, чтобы освободить ее от той накипи, которая порой отчасти искажает ее настоящее лицо, чтобы показать массам практическое осуществление анархического идеала и тем самым увлечь массу за собой, находя в ней опору для дальнейшей работы на пользу анархической кооперации. ***)

И. Хархардин.

Молот.

Молот, молот, молот... бей...
Молот, опускайся, вздымайся быстрей...
Молот, наковальню жадно люби...
Молот, измену, как стекла, дроби...
Молот, вздымайся
И опускайся,

---

*) Взгляд, что периоды кризисов и безработицы способствуют во многом возникновению анархического движения, был высказан В. Хрусталевым в личной беседе со мною.

**) За неимением под рукой работ П. А. Кропоткина, цитирую по работе Ф. Брометт: „Социализм и кооперация на западе". П. 1918 г. стр. 123.

***) О кооперативной работе анархистов я выскажусь в другой статье.

Гибелью всем, кто за рабство грози!
Молот, крещеньем огня окропленный,
Сталью, как красный кумач, раскаленной
Всех, кто сдается, рази...
Молот вздымайся, молот взлетай,
Молот бесстрашно победу нам дай...

Пошлую дряблость—с дороги прочь!
Прочь, кто бессилья не мог превозмочь,
Прочь, кому места нет в жизни огня,
Молот отбросит их, громом звеня.
В жизненной битве каждый кузнец,
Только бесстрашный нам нужен пловец...

Волны, как молот скалы дробят,
Волны, вздымаясь, бьют в набат...
Грозно несется немолчный звон,
Жадно вонзаясь в битву времен...
Звуки могучие ты вбирай...
Гимн их победный повторяй...

Молот, молот, молот... бей!
Молот, опускайся, вздымайся быстрей!
Молот наковальню жадно люби...
Молот измену, как стекла, дроби...
Молот, вздымайся
И опускайся,

Гибелью всем, кто за рабство, грози.
Молот, крещеньем огня окропленный,
Сталью, как красный кумач, раскаленной,
Всех, кто сдается, рази...
Молот вздымайся, молот, взлетай,
Молот, навеки победу нам дай!

Алекс. Струве.

Учение М. Бакунина об общественном классе.

Причину разделения общества на классы М. Бакунин видит в разделении общественного труда на мускульный и нервный. За разделением труда следует экономическое неравенство. [1]) Представители нервного труда поглощают львиную долю того, что произведено трудом физическим и на этой почве возникает непримиримое противоречие их интересов. На одной стороне стоят привиллегированные классы обладателей земли, капитала или знания, а на другой—обездоленный пролетариат.

В современном обществе Бакунин различает несколько классов „Несмотря на промежуточные звенья, делающие нечуствительным переход от одного политического и социального положения к другому, раз-

личие между классами очень определенно, и всякий сумеет различить родовую аристократию от аристократии денежной, высшую буржуазию от мелкой буржуазии, а эту последнюю—от пролетариев фабрик и городов: точно так же, как крупного землевладельца-крестьянина—собственника, собственноручно обрабатывающего землю, наконец, фермера от простого деревенского пролетария". [2])

Но источники разделения на классы не в экономическом неравенстве, а в разделении труда, следствием чего является экономическое неравенство.

„Было бы несправедливо сказать, что привиллегированный класс чужд труда; напротив, в наши дни его члены много работают, число совершенно бездеятельных уменьшается чувствительным образом, труд начинает быть уважаемым в этой среде, ибо наиболее счастливые понимают уже теперь, что для того, чтобы остаться на уровне современной цивилизации, для того хотя бы, чтобы быть в состоянии пользоваться ее привиллегиями и сохранить их, надо много трудиться. Но между трудом достаточных и рабочих классов разница, что труд первых оплачивается бесконечно лучше второго и потому оставляет привиллегированным досуг, это самое необходимое условие человеческого, как интеллектуального, так и морального развития—условие, никогда не существовавшее для рабочих классов. Кроме того, труд, совершаемый привиллегированным миром—почти исключительно нервный труд—работа воображения, памяти и мысли; между тем как труд миллионов пролетариев, это—труд физический, и часто, как, например, на фабриках это—труд, упражняющий не всю мускульную систему человека, а развивающий лишь какую-нибудь часть ее во вред другим, труд совершаемый в условиях вредных для здоровья тела и противных его гармоническому развитию". [3])

Вслед за школой Сен Симона, Бакунин кладет в основу деления общества на классы два признака—экономический и интеллектуальный: распределение собственности и знания. Привиллегированные представители нервного труда являются обладателями или собственности или знания, если не того и другого одновременно, а пролетариат лишен и собственности на орудия и средства производства и знания. [4])

Вслед за сен симонистами, признает Бакунин и непримиримость этих классов. Он говорит, что господствующие классы стремятся к увеличению эксплоатации труда, а пролетариат борется за уничтожение эксплуатации. [5]) Между ними примирение невозможно. Война на жизнь и на смерть!... И война эта может кончиться лишь решительной победой одной из сторон, решительным низложением другой. Или буржуазно—образованный мир должен укротить и поработить бунтующую народную стихию... или же рабочие массы сбросят с себя окончательно ненавистное, многовековое иго, разрушат в корне буржуазную эксплуатацию и основанную на ней буржуазную цивилизацию. [6])

Между прочим, здесь уже отчетливо выражена пророческая мысль о том, что во время социальной революции интеллигенция в целом выступит вместе с буржуазией против пролетариата. У нас в России это пророчество вполне оправдалось, как показывает пример октябрьской революции.

Революционным классом Бакунин считает пролетариат промышлен-

ный и земледельческий. Обладание собственностью угашает революционный дух. „Народное восстание,—говорит Бакунин,—по природе своей стихийное, хаотическое и беспощадное, предполагает всегда большую растрату и жертву собственности своей и чужой". „Такое разрушение несовместимо с буржуазным сознанием, с буржуазною цивилизацией, потому что она вся построена на фанатическом богопочитании собственности... Буржуа отдадут скорее жизнь, свободу, честь, но не отступятся от своей собственности". „Обладания собственностью было достаточно. чтобы развратить французское крестьянство". [7])

Революционным элементом в Италии Бакунин считал „пролетариат, состоящий из двух-трех миллионов городских и фабричных рабочих и ремесленников и около 20 миллионов крестьян не собственников" и немногочисленных выходцев из интеллигентской среды, возненавидевших буржуазный строй и всецело отдавшихся народному делу. [8])

Но и не всякий пролетарий революционен. Бакунин различает два слоя пролетариата: верхний и нижний. „В Италии,—говорит он, —не существует, как во многих других странах Европы, особого рабочего слоя, уже отчасти привиллегированного, благодаря значительному заработку, хвастающегося даже в некоторой степени литературным образованием и до того проникнутого буржуазными началами, стремлениями и тщеславием, что принадлежащий к нему рабочий люд отличается от буржуазного люда только положением, отнюдь же не направлением. Особенно в Германии и в Швейцарии таких работников много: в Италии же, напротив, очень мало, так мало, что они теряются в массе без малейшего следа и влияния. В Италии преобладает нищенский пролетариат, о котором Маркс и Энгельс, а за ними и вся школа социальных демократов Германии, отзывается с глубочайшим презрением, и совершенно напрасно, потому что в нем и только в нем, отнюдь же не в вышеозначенном буржуазном слое рабочей массы заключается и весь ум и вся сила будущей социальной революции". [9]) Следовательно нисший слой пролетариата он считает истинно революционным и противопоставляет его остальным слоям общества—консервативным и реакционным. Нисший слой пролетариата—база анархического движения.

И так, учение Бакунина об общественном классе, в общем, таково. Разделение труда на нервный и мускульный служит источником разделения общества на классы. Неравномерное распределение богатств закрепляет его. Представители нервного труда, владеющие орудиями и средствами производства на правах частной собственности или знаниями, глубоко реакционны и наиболее враждебны пролетариату. Представители физического труда, владеющие собственностью или знанием, занимают промежуточное положение. Наконец, представители физического труда, лишенные собственности и знания, наиболее революционны и враждебны буржуазному строю.

Бакунин считал себя идеологом, а анархизм идеологией нисших слоев пролетариата, занятого физическим трудом.

В. Худолей.

---

1) М. Бакунин „Федерализм, Социализм и Антитеологизм" изд. Балашева 1907 г. 161 стр. 2) Там же, 58 стр. 3) Там же 62 стр. 4) Там же 62 стр., 5) „Политики Интернационала", М. Бакунин „Государственность и Анархия" (Изд. Голоса Труда 79 стр. 7) Там же 90 стр. 8) Там же 59-60 стр. 9) Там же 60-61 стр.

Угнетенным.

Вас, угнетенные, вас, оскорбленные,
Вас на житейском пиру обойденные,
Всех, кому жизнь была мачехой злой,
Песней призывной зову я на бой.

Стройте отряды свои боевые,
Цепи сбивайте рабов вековые,
С знаменем черным в могучих руках,
С жаждой свободы в отважных сердцах.

Выступим в бой с вековыми врагами,
Счастье свое завоюем мы сами,
Рабства всех видов разрушивши строй,
Свободные люди с свободной душой.

В мир мы войдем, где свет солнца свободы
Братством спаяет в одно все народы,
И над веками страдавшей землей
Наступит анархии век золотой.

И. Лапин.

Старо-Русская вольность.

Славянский князь, „свой“ князь, князь не завоеватель был только старшим в роде, отцом семейства, жрецом. Но и князь-завоеватель представитель грубого насилия, долгое время не мог поработить славян. В городах и в селениях старой Руси—Руси завоеванной уже княжескими родами и княжескими дружинами, народ был свободным. Кто не был рабом или холопом, тот был действительно свободным человеком. Свободные люди самоуправлялись „в любви и в совете“. „В старину, —говорил Афанасий Щапов,—все земские люди, гости посадские и крестьяне пользовались полным правом житейской свободы, жили на всей своей воле. Горожане назывались **вольными мужами**, крестьяне тоже **вольными**, охочими людьми. Свобода была основой земского территориального устройства народной жизни. Принципом свободного перехода земских людей было правило—**вольным—воля**. В самом названии усадьбы, оседлости, ассоциации **вольного**, **свободного** труда выразилась идея свободы: свободное торгово-промышленное поселение называлось слободой от слова **свобода**; писалось: „ослободил слободу поставить“. Старинное земское строение завещало расколу „развивать в согласиях братство, советы сходы, соборы, выборное самоуправление, принцип сводных браков, общинного употребления капиталов“. Старая Русь не знала ни паспортов, ни крепостничества. Народоправные волости знали свой выборный суд, сами облагали себя сборами на свои нужды.

Областная свобода, федеративное устройство, мирское и вечевое самоуправление, самоустройство, мирской самосуд, мирские выборные судьи—таково было тяготение древне-русской жизни (см. работы А. Щапова).

О Новгороде и его политической жизни мы знаем немного больше, чем о жизни других старинных русских городов. О вольностях этого города мы и скажем здесь несколько слов, отметив мимоходом, что Псков тоже был республикой с княжеской властью, а Вятка не знала княжеской власти в течение 278 лет.

Тысячу слишком лет тому назад, ильменские славяне, в том числе и новгородцы, платили дань варягам—по белке с каждого дома. Варяги жили в нынешней Швеции, а часть их поселилась на берегах Ладожского озера. Главным поселением ильменских славян был Новгород, называвшийся ранее Острогородом, а позднее—Господином Великим Новогородом, Государем Великим Новогородом.

В лето 6370 (862 после Р. Х.) славяне, соединившись с чудью, тоже данницей варягов, отказались платить варягам дань и прогнали их.

Независимость от варягов продолжалась недолго. „Варяги завоевали Новгород и стали властвовать над живущими здесь славянами" (Гельвальд). Князь Рюрик, вместе со своими родственниками (по варяжски с Синеусом) и со своей дружиной (по варяжски с Трувором) завоевали славян и славяне хорошо понимали, что это завоевание лишит их свободы и благосостояния. „Быти нам рабом,—говорили славяне,—и много зла всячески пострадати от Рюрика и от раба его".

Новгородцы подняли против Рюрика восстание под предводительством Вадима, но Рюрик „убил Вадима Храброго и иных многи изби новгородцев советников его".

Рюрик вернулся на Ладогу, а его дружина и родня поселились среди ильменских славян. Эти славяне платили дань потомкам и родне Рюрика, которые, уехав в Киев, обложили новгородцев данью (триста гривен) и назначали в Новгород посадников. Эту дань новгородцы платили до княжения Ярослава. Новгородская территория сильно расширилась с течением времени. Она охватывала нынешнюю Новгородскую, Череповецкую, Псковскую, Петроградскую губернии и части губерний Олонецкой, Архангельской, Пермской, Вятской и Вологодской.

Новгородская история знает и второе восстание против варягов. Ярослав сын Владимира, почему-то прозванного святым, призвал варягов для того, чтобы справиться с непокорными новгородцами, но новгородцы перебили их за насилия. И в течение веков шла борьба новгородцев с завоевателями, с потомками завоевателей и своими угнетателями и в течении веков отстаивали новгородцы свою волю и свое вечевое самоуправление.

При Ярославле Мудром их права и независимость были признаны киевскими князьями. Все народы, населявшие в старину русскую землю с самых древних времен управлялись сходами жителей, собраниями людей, вечами (вече от слова „вещать", то есть говорить, а по псковскому говору—кричать). В летописи мы читаем, что „новгородцы изначала и смоляне и кыяне (киевляне) и полочане и все власти яко же на думу на вече сходились". В частности, в 1261 году, например, во всех городах были собраны веча „на бесермен".

Новгород представлял из себя соединение многих мелких и крупных миров, поселений, сохранивших свои местные самоуправления и, вместе с тем, составлявших одно целое—Новгород.

Новгород состоял из 5 концов (районов, по нынешнему) *). Каждый конец имел своего старосту, а раньше посадника, имел свою печать (символ автономии) и собирал свои веча, на которых ранее, чем на общеновгородском вече, обсуждались новгородские дела. „По открытии народного совета рассуждение о предложенном деле происходило сперва по частям городовых концов и... потом уже все совокупно оное решили" (Калайдович. Исторический и хронологический опыт о посадниках новгородских. 1821 г. стр. 11. Прим. 23).

В каждом конце имелося несколько улиц и население этих улиц имело свои веча, на которых обсуждались вопросы, касающиеся, как жителей всего города, так и жителей одной только улицы **). Даже по дворам собирались иной раз имевшие общее значение веча, например, тайные, направленные против князя веча 1169-го года.

Дела, касающееся всего Новгорода, всех новогородских владений, решались на общем сходе новогородцев, на городском вече. Новгородское вече, прежде всего, „все пять концов на вече" (на вече). На это вече сходился „Великий Государь Новгород", вольные мужи, „собрався весь град", „шедше весь народ". На вече приходили как бояре, так и черные люди. На вече приходили жители пригородов, пятин и волостей, хотя пригороды имели и свои веча. Пригородам и волостям, если предвиделось обсуждение важного вопроса и если было достаточно времени, посылались приглашения прибыть на вече ***. На вече с правом голоса мог придти всякий вольный человек, проживающий в Новгороде или только что приехавший в этот город. Даже инородцы, например, кареллы и чудь, могли приходить на вече с правом голоса.

В некоторых случаях на вече сходились жители нескольких городов для решения общих дел, (например, Новгород и Псков, или Ростов-Суздаль и Переяславль). Жители главного, так сказать, города приходили на веча своих пригородов и обратно.

Все новгородцы „от мала до велика" приходили на вече. Только рабы и холопы не ходили на вече, хотя и они имели право созвать вечевой сход. Вече могли созывать князья, посадники, тысяцкие, бояре, черные люди (черные люди, это—ремесленники, рабочие, мелкие земле-

---

*) Город делился на тысячи, тысячи на сотни, сотни на улицы. Две сотни составляли „конец", с кончанскими старостой, кончанской управой и кончанским вечем.

**) Каждый конец представлял собою союз улиц, был самоуправляющейся общиной, имевшей своих выборных представителей—кончанских старост и свое управление—кончанское вече. Улицы были такими же независимыми корпорациями, интересы которых представлялись в лице уличанских старост, а управление—в форме уличанских веч". (Россия. Полное географическое описание под общим руководством П. П. Семенова, т. III стр. 339).

***) Кругом Новгорода лежали громадные пространства—пятины, примыкавшие к Новгороду (Обонежская, Вольская, Деревская, Шелоньская, Бежецкая), а за пятинами лежали волости или земли—Заволчье, Двинская земля, Пермская земля, Печора, Югра, Терская земля (Тре) и др. Пригороды и земли мало зависили от новгородских властей. Пригородами Новгорода считались Псков, Изборск, Великие Луки, Старая Русса, Ладога и другие имевшие свои веча города. Город посылал в пригород посадника.

владельцы, безземельные люди, говоря вообще, все население, кроме бояр, житьих людей и купцов). Черные люди зачастую собирали вече. Мог собрать вече любой угнетенный, могла собрать вече и простая женщина.

Бывало и так, что новгородцы отказывались идти на вече по приглашению князя и собирали вече отдельно от него (например, вече во время похода в 1214 г.). Сохранилась легенда, хорошо рисующая взгляд новгородцев на то, кто имеет право созывать вечевое собрание. Предание рассказывает, что у одного новгородца ослепла лошадь, работавшая на него в течение многих лет, и хозяин выгнал лошадь на улицу. Голодная лошадь натолкнулась мордой на веревку от вечевого колокола, звон которого созывал новгородцев на вече. На зов колокола подошло несколько новгородцев и увидели слепую лошадь, державшую в зубах веревку от колокола. Догадавшись в чем дело и узнав, что хозяин выгнал лошадь, ослепшую на его службе, новгородцы решили на вечевом сходе обязать хозяина кормить лошадь до конца ее жизни.

Иногда враждовавшие между собой новгородские партии созывали два вече одновременно. „И онцыфер с матөеем зазвониша в вече святыя софіи, а Федор и андрѣ зазвониша в вече на ярославли дворе“... В таком случае Новгород не мог постановить своего вечевого решения.

В некоторых случаях вече затягивалось и продолжалось иной раз неделю, а то и две.

Решения вечевых сходов были единогласными решениями, главным образом, в том смысле, что одна из несогласных сторон переставала протестовать против решения другой части вечевого собрания. В некоторых случаях не пришедшие к единогласному решению на своем вече или на своих вечах новгородцы начинали драку, кулаками и вооруженным боем отстаивая свое мнение. Но все-таки, как ни буйны, как ни междуусобны были иной раз веча новгородцев, они, по словам Щапова „всегда кончались миром и любовью“: „съидошас братья вкупе однодушно на вече“.

На вечах решались всевозможные дела. Решения записывались вечевым дьяком, управлявшим вечевой избой, и к ним прикладывалась печать; при чем эти вечевые записи и грамоты имели силу законов (напр., судные грамоты). Вече принимало посольства, заключало с ними торговые договоры, посылало послов, об'являло войну и заключало мир, при чем, если войну об'являл один князь, без согласия веча, то только князь со своей дружиной и вел ее, пока мог и хотел драться. *) В некоторых случаях вече ведало судебные дела, являлось апелляционной инстанцией: оно судило иной раз посадников (Якуна, Дмитро) и князей. Вече же устанавливало повинности и налоги. Вече распоряжалось постройкой общественных зданий и церквей. Вече выбирало посадника (очень независимый помощник князя в делах управления, соправитель князя). Первое время посадники посылались в Новгород князем, жившим в Киеве, но и тогда рядом с ними были и посадники, выбранные вечем, а с половины XII века посадник был представителем Новгорода перед князем и олицетворял собою исполнительную власть. Вече вы-

*) Военное ополчение собиралось вечем, но, помимо ополчения были „охочьи люди“, владычный полк и княжеская дружина.

бирало и тысяцкого, который был судьей по торговым делам, полицеймейстером, так сказать, и начальником ополчения, городского полка. Вече выбирало судей (тиунов), сотских, архиепископов (с половины 12 века, игумнов и удаляло всех этих лиц, когда было недовольно ими. Избрав нового архиепискома, новгородцы говорили старому: „пойди где те любо“ (1219 г.) Они, как злодея, выгнали от себя владыку Арсения. в 1228 году новгородцы выгнали архиепископа Антония, обвиняя его в колдовстве. В крепких руках вечники держали и посадников, и тысяцких; судили прогоняли и даже казнили посадников.

С XI века новгородцы призывали к себе князей *) и нередко изгоняли их, как впрочем и другие города (Галич. Полоцк, Владимир на Клязьме и др.). Новгородцы прогоняли своих князей очень часто за сто лет, например, у них переменилось 30 князей и „редкий из них уходил не с бесчестьем“. Недовольные новгородцы говорили:—„ныне, княже, не можем терпеть твоего насилья, поеди от нас или идем весь новгород прогонить тебе“. Князю Всеволоду новгородцы говорили: „нехотим мы тебя, Ступай куда хочешь“. Сохранилась старая картинка на которой изображены новгородцы с палками, при чем передний замахиваетсп на от'езжающего князя. Подпись под картинкою гласит: „того же лета выгнаша новгородцы от себе из новгорода княз Дмитрея Александровича.“

В 1218 г. посадник Твердислав говорил новгородцам:—„а вы братья вольны и в посадначестве и в князех“. Сами князья признавали за новгородцами права выбора:—„вы вольны в князех“, говорил новгородцам князь Мстислав. Тем не менее, князья навязывались иной раз Новгороду или же навязывали новгородцам своих родственников. Новгородцы не всегда соглашались принять таких князей: если у твоего сына две головы, то пошли его“, говорили они в 1102 г. Святополку, желавшему навязать им в князья своего сына.

Иногда, (например, в 1136 и 1270 г. г), новгородское вече производило над своими князьями формальный суд с изложением письменного приговора. В 1136 г. новгородцы, пригласив на вече свои пригороды—Псков и Ладогу,—заключили своего князя вместе с его семьею под стражу на епископском дворе. Затем, вече судило князя за то, что он угождал только боярам, не заботясь о черных людях, за то, что он бежал с войны, не творил суда и расправы, а предавался забавам с ястребами и собаками. Низложив князя, вече выбрало нового и до прибытия последнего, в течение двух месяцев держало низложенного князя под арестом.

Права князя были ограничены новгородцами и точно определены ими. Новгородцы, несмотря на наличность княжеской ограниченной власти, оставались вольными людьми, и князья, приезжая к ним, целовали крест „на всей воле новогородской“. Князь был наемным служителем новгородцев. Он служил новгороодцам, а не они ему. Князь был вождем войска, назначал суд в пригороды и в волости, сам разбирал некоторые тяжбы, выступал как бы третейским судьей при спорах веча с посадником. Князь судил не один, а с посадниками и с

*) Вероятно, благодаря, этим призывам, и сложилась легенда о призыве Рюрика и его не существовавших братьев—Синеуса и Трувора.

десятью выборными, по два от каждого конца. Князь был „наемным временным сторожем, который со своей дружиной входил лишь механически в состав местного общества" (Ключевский). Права князя были точно ограничены. Доходы князя и способы их собирания были точно определены новгородцами. Князь не мог судить без посадника, не мог составлять договоров и отказываться от договоров, заключенных вечем; без посадника он не мог раздавать волостей, не мог назначать правителями волостей кого-либо из своих дружинников, (а только новгородцев); не мог сменять без суда и вины должностных лиц. Ни князь ни его дружинники не могли покупать землю в пределах новгородского государства, не могли покупать рабов, не имели права торговать. Князь обязывался „не замышлять войны без новгородского слова". В договорах с князем значилось:—„а без посадника ты, княже, суда не судите.. А без посадника ты, княже, ни волости раздавати... А без посадни а ты, княже, ни грамот ты дояти... „А без вин ты, княже, мужа без вины не лишите волости"... На таких условиях заключался договор новгородцев с князем и этот „ряд" скреплялась крестным целованием (присягой) князя и его подписью.

Неудивительно, что в 1470 г. московский митрополит пишет новгородцам:—„из старины люди вольные".

На-ряду с князем, посадником и тысяцким в Новгороде был еще совет, состоявший из бывших посадников, тысяцких и сотских. Этот совет подготовлял законопроекты (хотя и неофициально, так сказать) и стремился захватить все больше и больше власти, так как состоял из видных бояр-богачей.

Тем не менее, новгородцы относились к своим богачам, как к эксплуататорам, и Новгород знает не одну социальную революцию. По вечевому приговору новгородцы экспроприировали иной раз своих богачей, бояр. По вечевому приговору новгородцы, делали, так сказать, социальные революции, экспроприируя дома богатых людей. Дело шло то об экспроприации имущества одного лица, то нескольких лиц, то всей местности, населенной боярами (Прусская улица).

Вражда между боярами и простыми новгородцами началась издавна С князьями пришли в Новгород и пришли, как завоеватели, мужи княжи и бояре и с первого же столкновения черные люди стали заклятыми врагами бояр, которые скоро стали крупными землевладельцами капиталистами и ростовщиками.

„В Новгороде,—пишет Костомаров,—несколько раз толпа черни под возбудительные звуки вечевого колокола, разоряет и сожигает до тла Прусскую улицу—гнездо боярское". *) Новгородцы громили и экспроприировали бояр при характерных криках:—„здесь животы крестьянские и болярские". Экспроприации, о которых идет речь, бывали так серьезны, что при дележе экспроприированного добра приходилась не малая доля на каждого новгородца. В 1205 .и, напр. „вследствие вечевого приговора дом посадника предали огню, дома его братьев разметали... От разделения одних избытков каждый новгородский жи-

*) Прусская улица называлась так по своим жителям прусско-варяжского происхождения и пришедшим в числе дружины варяжских князей. Эти жители отличались корпоративно аристократическим происхождением. (Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. III стр. 339).

тель и щитоносцы получили по три гривны", („избыток разделиша по зубу, по три гривны по всему городу и на щит"). Через 25 лет, опять таки по вечевому приговору, новгородцы экспроприировали имущество посадника, а немного времени спустя имущество его врагов. В 1351 году, например, „выгнаша новгородцы из Новгорода во Псков посадника Феодора и братью его Михаила и Юрья і Андрьяна, а домы их разграбиша и проускою улицю всю пограбиша".

Новгородцы не останавливались перед революциями для того, чтобы помешать эксплуатации своих богачей и, несмотря на эту эксплуатацию, Новгородцы в течение долгого времени оставались вольными мужами, пользовались такой свободой, которую мы русские не знаем, спустя много столетий. На свое высшее начальство—на князей—они смотрели, как на простых служителей народа и не даром властные господа называли новгородцев „вечниками крамольниками".

К.

Песнь Крестьянина.

Появися воля,
Красота—свобода!
Ведь, печальна доля
Русского народа.
    Воля, наша воля!
    Нет тебя без хлеба!
    Тяжела неволя,
    Нищета заела.
Братья хлеборобы!
Горе мы развеем:
Всю возьмем свободу,
Землю всю засеем.

Крестьянин.

Власть—собственность на человека.

Горе старой жизни, жизни истекающего периода христианской эры и предшествующих эпох, в течение которых человек был связан по рукам и ногам властью и в таком положении потерял свои духовные и физические силы, не был в состоянии применять их на деле и развивать упражнением,—горе старой жизни заключалось в том, что человек-творец был лишен права безконтрольного пользования продуктами своего труда.

В процессе творчества человек настолько сживается с плодами своей деятельности, что выходящий из его рук продукт становится как бы частью его самого. Он дорог ему так же, как дорога человеку его собственная, быть может, очень простенькая мысль, всем давно известная, но теперь выработанная им самим с затратой сил, с муками творческого вдохновения. Человеку кажется, что эта мысль,—этот период его умственного творчества,—появилась впервые и он поражается тем, что другие люди не ценят достигнутого им успеха так, как он сам ценит его.

В старой жизни человек был лишен собственности на продукты своего труда. Право бесконтрольного пользования ими имела только власть и ее приспешник—буржуазия.

Не в том дело, что власть имела собственность, не в том горе, что среди людей, гибнувших в пустыне от жажды, только небольшая кучка стоящих у власти лиц наслаждалась влагой тенистого оазиса, горе было в том, что эта кучка людей бесконтрольно распоряжалась продуктами народного труда.

Власть посредством поборов и налогов, буржуазия посредством собственности на поля и промышленные предприятия брала у творцов разных благ столько, сколько ей хотелось. Власть насильно отнимала у массы львиную долю из продуктов ее труда, насильно порывала связь творца с плодом его творчества.

По мере исторического развития и укрепления власти, мучительная боль разрыва все чаще и чаще посещала душу творца ценностей. И если средневекового ремесленника нельзя полностью считать собственностью власти, то творца нашего времени иначе, как рабом власти нельзя назвать. В наше время работающий человек—полный и действительный раб, такой же раб, каким он был в Риме, каким он был в древней Греции. Правда, это рабство замаскировано, но не велика разница между современным работником и рабом древних римлян.

Работника бьют в кутузках, куда его сажают за дурное поведение, его гонят под пушки, не спросив, хочет ли он этого, его лишают жизни, если государственные чиновники—эти монополизаторы прав римских рабовладельцев, найдут это нужным.

Да, власть, это—собственность на человека.

Как же выйти из этого положения? Наши противники постоянно ставят нам этот вопрос и, если анархисты не удовлетворяют их своим ответом, они восклицают, что критика легка, что надо уметь устроиться без власти.

Но, ведь, и это не так уж трудно. Если власть есть собственность на человека, если она делает человека своим рабом, так как бесконтрольно распоряжается продуктами его труда, подвергает человека неизбывным мучениям, тяжесть которых давит его и пригибает к земле, то это происходит как раз потому, что сам творец не имеет права бесконтрольно распоряжаться продуктами своего труда, не имеет собственности на эти продукты.

Если же человек возьмет это право, если он не будет ждать, когда ему дадут это право, то он будет свободен, так как вырвет из рук власти то оружие, которым она держит работника в рабстве.

Свободная жизнь, жизнь с яркими проявлениями взаимопомощи не мыслима, по моему мнению, в анархо-коммунистическом обществе, раз в нем не будет обеспечено за творцом вещей бесконтрольного пользования продуктами его труда.

Больной человек не способен оказать помощь другому человеку, а здоровый и жизнерадостный человек оказывает помощь всем, кому может.

Можно провести параллель между жизнью человека в обществе и жизнью клеточки в организме. Клеточка только тогда начнет помогать своей соседке, когда сама устроиться, а это будет тогда, когда

результаты ее деятельности будут принадлежать ей и увеличивать ее жизненную силу.

Социалисты могут указать, что при таких условиях может быстро разбогатеть счастливая артель и, благодаря этому, получить возможность распоряжаться продуктами наемного труда, вернув людей к старой жизни. Это возможно в том случаэ, если люди войдут в новую жизнь связанными, если их мышцы не будут развиты упражнениями; это возможно с людьми старого христианского мира, где человек ждал всего и от бога небесного и от власти—от бога земного, то есть от сил, вне человека действующих, где придавленный к земле человек был слаб и немощен.

Но в наше время русская революция предоставила человека самому себе: он накопит сил, поверит в себя и не пойдет работать на другого.

„Дух разрушающий есть в то же время дух созидающий— сказал Бакунин. „Нет худа без добра", говорит русская пословица. А потому „да здравствует дух разрушающий!" но „да здравствует" только потому что современная разруха и развал научит нас самодеятельности, с железной силой подчеркнет необходимость последней и мы выйдем на широкий путь вольного строительства.

В. Алмазов.

Две смерти.

† Никодим Фамулевич.

Нами получено сообщение о смерти товарища Никодима Фамулевича. Согласно полученному сообщению, тов. Фамулевич погиб в бою с белогвардейско-польскими войсками на Подолии. Во время отступления Красной армии он вместе со своим полком был отрезан и окружен неприятелем. После геройской, упорной схватки с численно-превосходным противником тов. Фамулевич, видя безуспешность защиты и не желая сдаваться в плен, покончил с собой выстрелом из револьвера.

Н. Ф. хорошо известен товарищам, работающим на Украине, как идейный анархист, который еще во время самодержавия состоял в рядах Украинского Анархического Движения. Революция 1917-го года застала Н. Ф. в Петрограде, где он принимал деятельное участие в создании Петроградской Организации Анархистов и участвовал в издававшейся тогда, анар. газете „Буревестник", состоя членом Редакционной Коллегии этой газеты.

В 1918 г. во время „Гетманского подполья" Н. Ф. прибыл на Украину и, поселившись в Киеве, начал вести, совместно с Киевской Организацией Анархистов энергичную нелегально-революционную работу против реакционной гетманской власти. С падением ее и с приходом в Киев Красных войск, тов. Фамулевич, желая принять непосредственное участие в защите революции, отправился на передовые позиции, где и погиб смертью храбрых.

Мир праху твоему, дорогой товарищ!

Группа анархистов Подолии.

† Матвей Васильевич Головинский.

Секретариат В. Ф. А. Коммунистов доводит до сведения товарищей, что член названной Федерации, кандидат юридических наук, доктор медицины Матвей Васильевич Головинский умер в Петрограде. В. Федерация лишилась умелого работника, энергичного и преданного делу анархии товарища.

Несколько слов о работе среди молодежи.

Анархизм в общем и целом поставил своей задачей синтетическое разрешение вопроса о взаимоотношениях личности и общества.

Свободная личность в свободном обществе—таков ответ.

Способы воплощения анархизма должны быть выработаны, сообщены широким массам и проведены в жизнь. Так намечаются три основных момента анархической работы. Поскольку первый из них в значительной своей части уже осуществлен, постольку выдвинуты на очередь два вторых. На них мы в настоящий момент и должны обратить сугубое внимание.

Серьезная постановка дела требует вдумчивого отношения. Система подхода к массам должна быть строго продумана. Психологические особенности того или иного слоя населения ложатся во главу угла. Поэтому работа среди трудовой молодежи должна быть выделена и проведена особенно тщательно.

Молодежь угнетена физически и морально в семье, школе, на фабрике. Но, благодаря свойственной ей революционности, она может быть легко воспламенена горячим призывом.

Среди молодежи анархизм должен вербовать своих адептов. Как же подойти к ней? Нужно познакомиться с ее интересами.

Новые веяния в искусстве, героические моменты творчества молодой фантазии—все должно быть учтено и использовано. Всюду должен быть внесен анархический элемент. Вместе с тем необходимо выяснить разницу между отношением к молодежи анархистов и любой политической партии. Всякая партия зовет юношество на борьбу за ее дело, тогда как анархисты призывают его встать на защиту собственных интересов, приступить к осуществлению своего идеала.

Абсолютно свободный человек в обществе таких же свободных и равных ему людей—это ли не идеал всякого юноши?

Павел Гар.

Желательно, чтобы вопрос о работе анархистов среди юношества был разносторонне освещен опытными пропагандистами, давно работающими среди молодежи.

От Секретариата Всероссийской Федерации Анархистов.

Товарищей анархистов, выбранных на С'езд Советов 20 декабря, Секретариат просит регистрироваться в мандатной комиссии анархистами (а не беспартийными) и зайти в секретариат Федерации (Москва, 1-й Дом Советов К. 219. А. А. Карелин).

Библиографический указатель.

(Окончание).

Сандомирский Г. Плеханов и анархисты. Изд. Почин. М. 1918 г.
" В неволе. Изд. Почин. М. 1918 г.
" П. А. Кропоткин—учитель международного анархизма. Изд. Почин. М. 1918 г.
" Анархизм и право захвата. М. 1918 г. Изд. Почин.
Святогор А. Петух революции. М. 1917 г. Ц. 40 к.
Солонович А. А. Государство, интеллигенция и анархия. Изд. Фед. Анарх. Ком. в Бежице 1917 г.
Труд и Воля. Журнал №№ 1 и 2 1917 г. Петр.
Тюханов А. Что такое анархия Изд. Мос. Ф. А. Г. Ц. 20 к.
" Почему необходима и что даст социальная революция. М. 1917 г. Изд. группы „Независимость".
Толстой Л. Царство божие внутри нас (и многие другие произведения).
Текер. Вместо книги.
Уралов. Кошмар. М. 1918 г. Изд. Почин.
Фор. Мировая скорбь. Ц. 76.
" Преступление Бога. Изд. Гол. Труда П. 1918 г. Ц. 1 р.
" Хитрая механика. Изд. Всер. Сов. Кр. Депут. Ц. 25 р.
" Чего добиваются анархисты. Ц. 5 к.
" Черное Знамя. 1918 г. Библ. Анарх. 25. Ц. 2 р, 25 к.
Штирнер. Единственный и его собственность. М. 1918 г. Ц. 10 р.
Эдельштадт. Анархизм коммунизм.
Этьеван. Речь на суде.

Пропуск.

Мост Иоганн. Разрешение социального вопроса Ц. 15 к.
Мост Иоганн. Религиозная язва. Петр. 1917 г. Ц. 25 к.
Народное Дело. Женева. Изд. Бакунина и Эльпидина. 1868 г. 1-й № редактирован М. А. Бакуниным. Следующие номера другой редакции, но все же анархического направления.
Нахт Зигфрид. Всеобщая стачка и социальная революция. Ц. 12 к.
Недрожин. Контр-революция. Изд. „Суд. народный".
Непримиримый. Тактика международной социал-демократии в борьбе с анархизмом. Библиотека Анархиста. № 7. Ц. 25 к. М. 1917 г.
" Тактика социалистов в борьбе с анархизмом. Ц. 25 к.
Неттлау М. Взаимная ответственность и солидарность в борьбе рабочего класса. Книгоиздательство „Свободное Соглашение".

Разрешено Военной Цензурой. 31-ая Тип. М. С. Н. Х. Никольская 1—3.

Государств. публичная историческая